

необходимо извлекать уроки из деятельности своих предшественников, чтобы избежать их политических просчетов.

- ¹ См.: Воля народа (орган правого крыла эсеров). 1917. 6 сент.; Могилевская жизнь (орган земства). 1917. 21 июля.
- ² См.: Л е б о н Г. Психология социализма. М., 1899.
- ³ День (газета правых меньшевиков). 1917. 25 июля.
- ⁴ См.: С п и р и н Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 7 и далее.
- ⁵ Термин введен Л. Леви-Брюлем («Первобытное мышление». М., 1930).
- ⁶ Звезда (орган Минского комитета РСДРП(б)). 1917. 30 июля; Правда. 1918. 31 марта; Звезда. 1917. 30 июня.
- ⁷ Правда. 1918. 12 июля.
- ⁸ Звезда. 1917. 30 июля; Правда. 1918. 19 янв.; 31 марта.
- ⁹ Звезда. 1917. 30 июля.
- ¹⁰ Голос народа (орган социалистической мысли). 1917. 8 авг.
- ¹¹ Могилевская жизнь. 1917. 12 ноября; 31 июля.
- ¹² Там же. 20 июня.
- ¹³ Буревестник (орган северо-западного областного бюро РСДРП). 1917. 13 окт.; Звезда. 1917. 17 авг.
- ¹⁴ Звезда. 1917. 1 авг.
- ¹⁵ Воля народа. 1917. 1 ноября.
- ¹⁶ Там же. 1917. 4 мая.
- ¹⁷ Могилевская жизнь. 1917. 21 июля.
- ¹⁸ Воля народа. 1917. 6 июня; Свободное слово (Известия Горьковского СК и РД). 1917. 1 окт.
- ¹⁹ Воля народа. 1917. 15 июня; 6 сент.
- ²⁰ Г е р ц е н А. И. Соч. в 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 544.

М. Ш. САДЫКОВ, К. А. РЕВЯКО

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДЫСТОРИИ ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН В ОЦЕНКЕ НЕМЕЦКОГО АНТИКОВЕДЕНИЯ XX в.

Для историков античности предыстория Пунических войн, более известная под названием Мессанского конфликта, является весьма сложной проблемой. Нелегко разобраться во всех аспектах событий этого периода, так как многое не ясно и не достаточно обоснованно изложено в источниках. Таким до конца не выясненным моментом в римско-карфагенских отношениях остается дипломатический аспект Мессанского конфликта.

Германская историография античности как наиболее представительная и компетентная в исследовании Пунических войн данный аспект не всегда оценивает однозначно и обстоятельно.

Немецкие историки первой четверти XX в. Ф. Ройсс, М. Шерманн, Ф. Лютербахер, П. Мейер и К. Ю. Белох¹ не уделили серьезного внимания рассмотрению роли дипломатических средств в разрешении Мессанского кризиса. Исследователей гораздо больше интересовали военные столкновения между Римом и Карфагеном. Никто из них не попытался выделить роль и место дипломатии в развязывании войны или хотя бы проследить изменчивость дипломатических позиций в споре из-за Мессаны. Отсутствие концептуальной разработки дипломатической предыстории Пунических войн характерно для всех работ названных авторов. Объясняется это, вероятно, тем, что в немецком антиковедении, так же как и в других зарубежных историографиях начала века, сохранилось присущее античной науке прошлого столетия стремление избегать качественных оценок и оставаться на позиции «объективизма». В это время историки скептически относились к сведениям античных авторов. Так, Ф. Лютербахер в работе «Взгляды на критическую историю первой Пунической войны» бездоказательно опровергал фактические сведения о дипломатических переговорах во время Мессанского конфликта. Он же считал, что средневековый историк Зонара, излагавший «Римскую историю» Диона Кассия, допустил отклонения от текста, утверждая что карфагеняне, завладев Мессаной, способствовали миру между сиракузским царем Гиероном II и мамертинцами². При этом немецкий ученый совершенно упустил из виду указание Полибия (I, 10, 2) о наличии в Мессане сторонников политической ориентации на Карфаген, которые, естественно, были заинтересованы в поисках путей урегулирования натянутых отношений Мессаны с Гиероном II. Ф. Лютербахер не признавал за истинное и сообщение Диодора о

том, что римский консул Аппий Клавдий еще будучи в Италии вел переговоры с карфагенянами и сиракузским царем в целях ослабления политической напряженности. В обоих случаях историк не привел каких-либо весомых аргументов, подтверждающих его точку зрения.

Следует отметить, что исследователи античных источников столкнулись с рядом хронологических разночтений в изложении событий, в связи с чем нарушилась и логика дипломатических действий. Так, спорили из-за датировки битвы при реке Лонгано, которая ускорила начало дипломатических акций. Неоднозначным в историографии оказалось и толкование мотивов мамертинского посольства в Рим. Ф. Ройсс, например, считал, что мамертинцы просили Рим оказать им помощь в борьбе с Гиероном II, но карфагеняне опередили римлян в выполнении этой просьбы. Историк воспринял за истину утверждение Зонары о том, что римский трибун Гай Клавдий пытался «путем переговоров вынудить карфагенян к уходу из Мессаны»³. Ф. Ройсс полагал, что переговоры ничего не дали, но римляне сумели склонить на свою сторону мамертинцев, вынудили карфагенян покинуть Мессану и затем объявить Риму войну. Слишком осторожно оценивая события, автор даже не попытался рассмотреть ряд фактов, позволяющих говорить о том, что римская и карфагенская стороны на данном этапе, если бы использовали все дипломатические средства, могли не допустить политической конфронтации.

В отличие от Ф. Ройсса К. Ю. Белох утверждал, что римского трибуна Гая Клавдия в истории не было и связывал появление римлян в Мессане с деятельностью консула Аппия Клавдия. В трактовке событий этот историк следовал за Полибием и считал, что успехи римского трибуна раздуты младшей анналистикой, и в частности Дионом Кассием. В солидном сочинении К. Ю. Белоха «Греческая история» шагом вперед оказалась попытка детальнее рассмотреть так называемый мамертинский вопрос — доверие мамертинцев внешней силе (либо Риму, либо Карфагену) решать их судьбу перед лицом опасности со стороны Сиракуз. Это позволило значительно расширить рамки исследования дипломатического аспекта Мессанского конфликта. К. Ю. Белох отметил, что при выборе решения мамертинцы учитывали мотивы за и против обращения к той или другой стороне, что сказалось на содержании их дипломатической акции. Наряду с этим немаловажным моментом историк, пожалуй, впервые пытался увязать дипломатические мотивы с целями внешней политики как Рима, так и Карфагена. К. Ю. Белох считал, что оба государства стремились взять мамертинцев под свое покровительство, поскольку владение Мессаной обеспечивало и обладание выгодным в военно-стратегическом отношении проливом между Южной Италией и Сицилией⁴.

Эмпирические мотивы и тенденции наблюдаются и у германских антиковедов 30—40-х гг. Только после окончания второй мировой войны и освобождения немецкого антиковедения из сетей расовой нацистской идеологии изучение Мессанского конфликта поднимается на более высокий уровень. В 1949 г. появилась статья А. Хойсса «Первая Пуническая война и проблема римского империализма»⁵, в которой большое внимание было уделено римско-карфагенским разногласиям из-за Мессаны. Этой же проблеме посвятил свой труд «Консул Аппий Клавдий и начало первой Пунической войны» А. Липпольд⁶. Обе работы получили широкое признание. Этой же проблеме посвящена довольно объемная статья В. Хоффмана «Прощение мамертинцев о помощи накануне первой Пунической войны»⁷, вызвавшая в ученом мире неоднозначную реакцию. В ответ на нее А. Хойсс переиздал свою работу, значительно расширив и дополнив ее с учетом новых подходов и теорий⁸.

Следует отметить, что все названные работы лишены модернистских тенденций, в них нет попыток переоценивать «римский империализм», что в это время стало модным у историков других национальных историографий. Однако отдельные методологические установки немецких историков (в ряде случаев) взаимно противоположны. Так, В. Хоффман предпринял пространную критику стиля и достоверности повествования Полибия. А. Хойсс, наоборот, считает, что «никакая другая традиция не может претендовать на более высокую достоверность, чем этот рассказ»⁹. По его мнению, критика полибианского сообщения не имеет в распоряжении убедительных аргументов, способных опровергнуть логику мышления Полибия.

В. Хоффман ставит под сомнение сведения античного историка об одновременном обращении мамертинцев к Карфагену и Риму за помощью

в борьбе против Сиракуз¹⁰. Он также считает, что просьба мамертинцев была направлена не столько против Гиерона, сколько против Карфагена, установившего после 269 г. до н. э. свой протекторат над Мессаной. В 264 г. политическая переориентация мамертинцев на Рим послужила основанием для изгнания из города карфагенского гарнизона. Примечательно, что В. Хоффман «не обошел стороной» считавшийся вымышленным «рассказ о римском трибуне Гае Клавдии». Он полагает, что здесь есть зерно правды; вероятно, под именем Гая Клавдия выступал римский посланец, объявивший о помощи Рима союзной Мессане. Иначе, размышляет ученый, невозможно понять, почему пунийцы объединились с Гиероном II для комбинированной блокады Мессаны. По мнению В. Хоффмана, поведение Карфагена и Сиракуз в конфликте с Римом вполне отвечало их желаниям любым путем добиться статус кво. Но при этом, как полагает исследователь, карфагеняне не хотели воевать с Римом. И только когда все дипломатические средства были исчерпаны, когда ультимативное требование покинуть Мессану было отвергнуто Римом, карфагено-сиракузский союз немедленно объявил войну. Несмотря на такие оригинальные рассуждения, вывод В. Хоффмана об объявлении войны Риму неубедителен. Ученый фактически не объясняет, почему карфагено-сиракузское дипломатическое сопротивление, т. е. по существу это противоборство, осталось не рассмотренным.

Занимавшийся этой же проблемой А. Хойсс считал военное столкновение Рима с Карфагеном совершенно случайным, а именно — в результате соединения карфагенян и сиракузян. Римляне выступали против экспансионизма Гиерона II. По мнению ученого, в ходе переговоров римляне заявили карфагенянам, что явились в Сицилию для борьбы с Сиракузами, старым врагом Карфагена. На это, как полагает А. Хойсс, карфагеняне ничего не могли возразить. Наиболее ценным в труде немецкого историка мы считаем то, что им сделана попытка проследить развитие римско-карфагенских политических связей во времени и рассмотреть, как это развитие отразилось на решении Рима оказать покровительство мамертинцам. Для уяснения сути римско-карфагенского спора из-за Мессаны, подчеркивает А. Хойсс, нужно исследовать прежние отношения между Карфагеном и Римом. В этих отношениях он выделяет следующие моменты. Римляне не были мастерами крупномасштабной политики за пределами Италии. Они договором 348 г. до н. э. формально признали морское господство Карфагена и даже в Пиррову войну это положение не изменилось. Оно отвечало естественным потребностям римской политики, которая до сих пор ограничивалась континентальным ведением дел. Легкое изгнание карфагенского гарнизона из Мессаны А. Хойсс объясняет принятием условий римского покровительства абсолютным большинством мамертинцев; прокарфагенская же группировка под впечатлением римского решения не осмелилась препятствовать развитию событий. Следовательно, полагает ученый, римляне надеялись не разочароваться в своих внешнеполитических «спекуляциях» и суметь избежать конфликта с Карфагеном. Исследователь верно подметил, что самостоятельность римского консула Аппия Клавдия в ходе переговоров с карфагенянами была ограничена сложившейся обстановкой. Еще можно было уладить множество формальностей, но консул не позаботился об этом, а объявил войну, «поскольку положение ведь в принципе ничего другого не оставляло желать, после того как Мессана стала союзной общиной»¹¹. И все же А. Хойсс заключает, что можно было не объявлять войну.

Для логического обоснования своих выводов ученому, на наш взгляд, следовало бы как можно больше внимания уделить исследованию дипломатических средств, а не предаваться оборонительным рассуждениям о предвзятости римских мотивов вмешательства в конфликт. Для доказательства бесплодности усилий дипломатическим путем разрешить кризис автор даже затронул такой важный феномен, как «пуническая верность».

Оба германских антиковеда, и А. Хойсс, и В. Хоффман, не обратили внимания на особенности дипломатической ситуации в период римско-карфагенских разногласий из-за Мессаны. Они не употребляли и, естественно, не раскрыли термин «дипломатический кризис 264 г.». Впервые этот термин употребил американский исследователь А. Эстин¹². Под ним ученый разумел трансформацию первоначального раунда дипломатических переговоров из-за Мессаны в сложную и весьма изменчивую ситуацию, которая была разрешена силой оружия. Эстин добросовестно использовал достижения германских исследователей, и в частности А. Хойсса. Но если последний больше

внимания уделил политической оценке событий, то А. Эстин значительно шире выделил их дипломатический контекст.

Лучшие традиции германской историографии конца 40 — начала 70-х гг. по изучению Мессанского конфликта продолжили современные немецкие ученые К.-Х. Шварте и В. Гусс. В исследовании «Невий, Энный и начало первой Пунической войны» (1972)¹³ К.-Х. Шварте попытался рассмотреть фециальную процедуру объявления войны Карфагену так, как ее излагали римские поэты — Невий и Энный. Исследователь выделил отдельные моменты дипломатических римско-карфагенских разногласий и показал, что дипломатия способствовала осуществлению решений, принятых римским сенатом.

Профессор Бамбергского университета (Германия) В. Гусс, восприняв некоторые идеи В. Хоффмана, особо выделил «проблему виновности» в первой Пунической войне и рассмотрел ее с позиций карфагенской стороны¹⁴. Ученый считает, что инициатором конфликта выступили римляне, карфагеняне же с самого начала пытались предотвратить войну, возложив свои надежды на специальную дипломатическую миссию в Риме. Свою позицию В. Гусс выразил следующим образом: «Было совершенно ясно, что карфагеняне не хотели войны... Перед переправой из Регия в Мессану Каудекс через курьера уверял Гиерона II, что римский народ не желает вести войну против него. Эта заметка Диадора соответствует истине... Рим (во всяком случае в этот момент) преследовал намерение вступить в конфликт не с Гиероном, а с Карфагеном. Тем самым отпадает гипотеза, согласно которой римляне намеревались воевать только против Гиерона и лишь в ходе своей военной операции, вопреки ожиданиям и помыслам, были втянуты в войну против карфагенян. В действительности же они знали, что предстоял военный конфликт с Карфагеном. Масштабов же предстоящей борьбы они, конечно, не представляли»¹⁵. Корыстолюбием Рима, по мнению В. Гусса, объясняется бесплодность дипломатическим путем нормализовать обстановку в Мессане и мирно разрешить конфликт.

Таким образом, германская историография XX в. по некоторым вопросам пришла к верным, но до конца не исчерпывающим проблему выводам. Изучение дипломатического аспекта Мессанского конфликта шло в соответствии с развитием антиковедения от простой фактологии до исследований на более высоком научном уровне. Помимо хронологических принципов изложения дипломатической стороны дела со временем были использованы и новейшие методы анализа, в частности подбор и сопоставление фактов из различных источников с определением их места в римской и карфагенской истории. Это характерно для работ А. Хойса и К.-Х. Шварте. Вместе с тем далеким от окончательной разработки остается проблема кризиса в дипломатическом противоборстве между Римом и Карфагеном в Мессанском конфликте, почти не выявлены причины его нагнетания и невозможности разрешения мирными средствами. Это, в свою очередь, предполагает выход на решение немаловажной проблемы: определение роли и места дипломатии в античности. В античном мире эффективность дипломатических средств, как правило, снижалась необузданным стремлением к новым захватам. В общественном сознании Рима атмосфера постоянной поддержки войн довела над разумными мирными методами достижения целей. Дипломатическая активность государств древнего мира чаще всего порождалась войной, иногда ее предворяя, иногда завершая.

Подводя итог сказанному, отметим, что анализ дипломатической предыстории первой Пунической войны и степени ее важности для понимания закономерностей развития исторических событий, положивших начало Пуническим войнам, не исчерпывается достижениями германского антиковедения по данной проблематике и не снимает с повестки дня актуальную необходимость ее дальнейшей многоплановой разработки.

¹ См.: Reuss F. // Philologus. 1901. № 14. Bd. 60; Schermann M. Der Erste Punische Krieg in des Lichte der libianischen Überlieferung. Tübingen, 1905; Lüt erb acher F. // Philologus. 1907. № 20. Bd. 66; Meyer P. Der Ausbruch des ersten punischen Krieges. Berlin, 1908; Beloch K. J. Griechische Geschichte. Berlin: Leipzig, 1925. Bd. 3.

² См.: Lüt erb acher F. Op. cit. S. 400 und weiter.

³ Reuss F. Op. cit. S. 106.

⁴ См.: Beloch K. J. Op. cit. S. 646.

⁵ См.: Heuss A. // Historische Zeitschrift. 1949. Bd. 169; Heuss A. Der Erste Punische Krieg und des Problem des römischen Imperialismus. Darmstadt, 1966.

⁶ См.: Lippold A. // Orpheus. 1954 № 1; Lippold A. Consules. Bonn, 1963.

- ⁷ См.: Hoffmann W. // Historia. 1969. Bd. 18. H. 2. S. 153 und weiter.
⁸ См.: Heuss A. Der Erste Punische Krieg und Problem des römischen Imperialismus (Zur politischen Beurteilung des Krieges). Berlin. 1970.
⁹ Ibid. S. 21.
¹⁰ См.: Hoffmann W. Op. cit. S. 160.
¹¹ Heuss A. Der Erste Punische Krieg ...1970. S. 38.
¹² См.: Eckstein A. M. Senate and general. Berkeley ets. 1987.
¹³ См.: Historia. 1972. Bd. 21. H. 2.
¹⁴ См.: Huss W. Geschichte der Karthager. München, 1985.
¹⁵ Ibid. S. 221.

У. А. СОСНА

КІРАВАННЕ ДЗЯРЖАЎНАЙ ВЁСКАЙ НА БЕЛАРУСІ ДА РЭФОРМЫ П. ДЗ. КІСЯЛЁВА

Дзяржаўная вёска на Беларусі існавала яшчэ з часоў Вялікага княства Літоўскага і ўяўляла сабой землі з сялянамі, якія належалі вялікаму князю як носьбіту дзяржаўнай улады. У 1590 г. вялікакняскі дамен быў падзелены на староствы і эканоміі. Эканоміі прызначаліся для задавальнення патрэб двара і знаходзіліся пад непасрэдным кіраваннем каралеўскай адміністрацыі. Староствы, якія заставаліся ў казённым ведамстве, аздаваліся ва ўтрыманне шляхціцам, радзей здаваліся ў арэнду. Уласнасць тых і іншых маёнткаў пры гэтым захоўвалася за дзяржавай. У выніку трох падзеяў Рэчы Паспалітай (1772, 1793 і 1795 гг.) Беларусь была ўключана ў склад Расійскай імперыі. Кацярына II і Павел I падаравалі амаль усіх эканамічных сялян расійскім вяльможам. У складзе казённага саслоўя засталіся толькі прыгонныя старостаў, у далейшым яно папаўнялася за кошт сялян манастырскіх і духоўных вотчын, памешчыцкіх і удзельных прыгонных, асабіста незалежных ці паўсвабодных катэгорый сельскага насельніцтва. Паводле VIII рэвізіі (1834 г.), на тэрыторыі Беларусі (у сучасных яе межах) было 137 879 дзяржаўных сялян мужчынскага полу, што складала 8,6 % усяго насельніцтва¹.

Агульнае кіраванне дзяржаўнай вёскай у Расійскай імперыі, паводле указаў Пятра I, сканцэнтравалася ў Камер-калегіі, якая абавязана была мець нагляд за ўсімі дзяржаўнымі даходамі. У складзе штатаў Пскоўскай і Магілёўскай губерняў 1772 г. быў вызначаны Дырэктар камерных спраў, праўленне якога падзялялася на пяць экспедыцый, з якіх «пятая — па кіраванню дзяржаўнымі, дварцовымі і эканамічнымі вёскамі»². Але ў хуткім часе Кацярына II пераўтварыла мясцовы адміністрацыйны апарат. Згодна з «Устанаўленнем для кіравання губерняў» 1775 г., былі створаны казённыя палаты, у распараджэнне якіх трапіла ўся фінансава-гаспадарчая дзейнасць. Старшынёй казённай палаты з'яўляўся віцэ-губернатар, а ў склад яе ўваходзілі: дырэктар эканоміі, саветнік, губерньскі скарбнік, два асэсары і чатыры прысяжныя засядацелі. Зыходзячы з мясцовых умоў, дапускаліся некаторыя адхіленні ў структуры апарату кіравання. Указам ад 30 кастрычніка 1794 г. дзяржаўныя сяляне ў заходняй частцы Беларусі былі перададзены ў распараджэнне Вярхоўнага праўлення, устаноўленага ў Гродна. «Казённае аддзяленне, — гаварылася ва ўказе, — утрымлівае ў ведамстве сваім усе каронныя і іншага звання маёнткі, прыналежаючыя да казны, з якіх збірае падаткі і іншыя даходы па ранейшаму Рэспублікі Польскай палажэнню»³. Казённая палата была адчынена тут у 1797 г. і падзялялася «на экспедыцыі: камерную, з ведамствам маёнткаў, якія ў казённым кіраванні знаходзяцца, рэвізскую, скарбовую, страйную і падліковую»⁴. Казённыя маёнткі даручаліся таксама нагляду віцэ-губернатара. Некалькі пазней, у 1802 г., Аляксандр I правёў адпаведную рэформу цэнтральнага ўпраўлення. Старая калегіяльная сістэма была заменена міністэрскай, а паводле ўказа 25 ліпеня 1811 г., у складзе Міністэрства фінансаў з'явіўся Дэпартамент дзяржаўных маёмасцей, сканцэнтраваны ў сябе ўсе справы па казённых маёнтках, аж да скаргаў сялян на арандатараў⁵. У час французскай акупацыі 1812 г. дзяржаўныя маёнткі паступалі ў распараджэнне Камісіі часовага ўрада Вялікага княства Літоўскага, якая дзейнічала непасрэдна праз адміністрацыю ўстаноўленых ёю дэпартаментнаў. Не робячы змен у існаўшай сістэме эксплуатацыі, марыянетачнае праўленне рабіла канкрэтныя захады для арганізацыі збору і ўсебаковага ўліку належных яму плацяжоў⁶. Усё гэта паказвае, што казённыя маёнткі і сяляне цікавілі іх уладальніка-казну перш за ўсё з фискальнага боку. Міністр фінансаў з'яўляўся іх галоўным начальнікам аж да канца 30-х гг. XIX ст.